

Аффенштайн

Дмитрий Иносов
vosoni@gmail.com

1 января 2006

Я думаю, что каждому среднему индивидууму свойственна мечта о победе. В другую ситуацию, другой антураж, в другое занятие. Лишь редким достаётся величайший дар судьбы – точно найденное для конкретной его личности место. Редкий из неудачников решается на крутой поворот судьбы. А из тех, что свернули с торной дорожки, лишь редкие достигают цели. Большинство застревают в путанице тропинок.

Правила бегства
Олег Куваев

Настроение

Ранним новогодним утром в электричке тепло и уютно. Приятно согревает выпитое ночью вино и наводит на философские мысли о смысле и причинах. Стаивающий с ботинок снег медленно превращается в грязную подрагивающую лужу на полу и как-то непривычно лениво читается книга, взгляд постоянно сползает в темноту туманного утра за окном, на паромщиков, сгребающих в Эльбу примёрзший поутру к палубе снег. До рассвета еще минут двадцать. Красная электричка со скрипом ползёт вдоль излучин реки в сторону чешской границы. Я ещё не знаю наверняка, куда еду, но определённые варианты маршрутов всегда наготове, выбор делается в последний момент исходя из погоды, наличного времени и настроения.

Сегодня солнечная погода сменилась рваным густым туманом и ветром. Порывы ветра в горах заметают выпавшим за неделю снегом трещины и тропы среди песчанниковых скал. Рассчитывать на красочные панорамы с высоты птичьего полёта не приходится. Хорошо бы поснимать скалы вблизи. В тумане это может получиться эффектно. К тому же хочется использовать время – пройти более-менее удалённый маршрут. Времени много, так как на рассвете я уже буду на пароме. До темноты у меня в запасе будет около десяти часов ходового времени. Аффенштайн кажется наиболее логичным решением. Самый большой скальный массив национального парка, сравнительно высокий, и судя по карте – с исключительно изощрённым скальным рельефом. От сети троп и тропинок рябит в глазах, но всё-таки есть надежда успеть пробежаться по всему массиву за день. Распутать этот лабиринт под снежными заносами будет не так-то просто. Но наносят на карту всё без разбору. На некоторые маршруты я бы без страховки не сунулся, тем более зимой, – железные скобы, вбитые в вертикальную стену, и перила из стального каната. Некоторые «летние» тропинки к тому же подразумевают прыжки между камнями над более или менее глубокими трещинами. Сломать тут зимой ногу – сущие пустяки. Каждая такая трещина – прыжок в неизвестность, в нетронутый снег. Что под ним – лёд, камень, или ещё одна трещина – заранее неясно. Эти тропки тоже отпадают как бы сами собой, так как в такую погоду я предпочитаю всегда иметь хотя бы одну статическую точку опоры под ногами. Отступаю от этого правила, только если чётко контролирую, куда буду падать, и чем это может закончиться. В общей сложности остаётся мне по карте около 20 км троп (это если не считать еще полстолька изгибов, в масштабе карты не выражающихся).

Вырисовывается мне, таким образом, сходить в Шмилке – маленьком пограничном полустанке. В пред-рассветных сумерках поезд останавливается на платформах и маленьких станциях с удивительными названиями, разнообразие которых возможно лишь в приграничных землях: Велен, Ратен, Кёнигштейн, Бад-Шандау, Криппен, Шмилка, Шёна. Хотя и привыкаем мы к ним со временем, но смесь эта чешских и немецких имен раскрывает интересные страницы истории, стоит лишь заинтересоваться (и начать, например, с романа «Сладостно и почётно» Юрия Слепухина). А как можно не заметить, скажем, станцию Оберфёгельгезанг? Это как же перевести-то? Верхнее птичье пение? Рядом есть еще нижнее. Кто ж так станции-то называет? Одноименное селение известно еще с 1554 года, но раньше этот полустанок вроде бы звался Чинцерлинг (достоверно мне это неизвестно).

В Шмилке паром стоял уже у берега, ожидая прихода электрички. Для укрытия от ветра и снега на пароме есть маленькая комнатка, в которую прочищен был от снега проход через всю площадку. Зимой, тем более рано утром, редко бывает тут много людей, и чистить весь паром от снега не имеет смысла. Паромы на Эльбе работают круглый год, так как из-за сильного течения река никогда не замерзает полностью. Даже в такую холодную зиму, как эта, лишь отдельные мелкие льдины с узорчатой бахромой бьют о борт парома. Примечательно, что на многих льдинах по центру почему-то лежат камни размером с кулак или даже с голову. Откуда они там берутся, – для меня загадка. Причем это не отдельные случайности – я лично видел около десятка таких увенчанных камнями льдин. Быть может, где-то в Чехии, где река не так полноводна, она замерзает у берега под какой-нибудь скалой, и срывающиеся со скалы камни остаются на льду, чтобы потом отколоться и поплыть вниз по реке? Это лишь догадка.

После нескольких минут переправы попадаю в Шмилку – крошечный посёлок в устье безымянного ручья. Еще с парома видно чешскую таможенную в нескольких сотнях метров выше по течению. Единственная улица в городе начинается с пары затейливых арок – как бы не в город заходишь, а во двор чей-то. Самое старое здание в городке – водяная мельница, построенная на ручье в 1665 году. Примерно с этого времени и начитается известная сегодняшним немцам история поселений в песчанниковых горах на Эльбе. Но конечно же, и до этого охотились тут в лесистых горных долинах, богатых дичью, ловили рыбу, и заготавливали лес, и потому считается Шмилка с давних пор городом лодочников, корабельщиков. И проводится на сельских улицах с незапамятных времен ежегодный корабельный карнавал (*Schifferfastnacht*).

Эта самая, единственная в посёлке, улица поднимается брусчаткой круто вверх, и уже возле леса раздваивается. Правая дорога (*Grenzweg*) идет по границе, а прямо по долине идет *Wurzelweg* – добротная асфальтовая дорога к маленькой гостинице или кафе у истоков ручья. Чуть не доходя до этого домика, я сворачиваю влево на *Elbleitenweg*, срезая путь по узкой тропинке, идущей круто вверх через еловый подлесок, местами укрепленной лесенками из досок. Тропинка выходит на грунтовку, вдоль которой остаётся пройти еще километра два на запад до подъёма на Аффенштайн. Через 500 м справа появляется скала *Rauschenstein* («Шумный Камень») – отдельно стоящий в лесу утёс с множеством скалолазных маршрутов от некатегорийных вплоть до Xb. Из-за кустов у западного подножия скал слышны громкие голоса какой-то группы туристов, просыпающейся после встречи Нового Года на природе. Скала фокусирует звук, и даже спокойный разговор слышен за несколько сот метров. Таких групп я встречу еще сегодня немало. Хотя ночевать в палатках в Германии часто и запрещено, но ночёвка без палаток в пещерах и гротах в скалах разрешена (кроме ядра заповедника). На Новый Год все самые удобные для этого места заняты, и используется любой существенный навес скалы, защищенный от ветра.

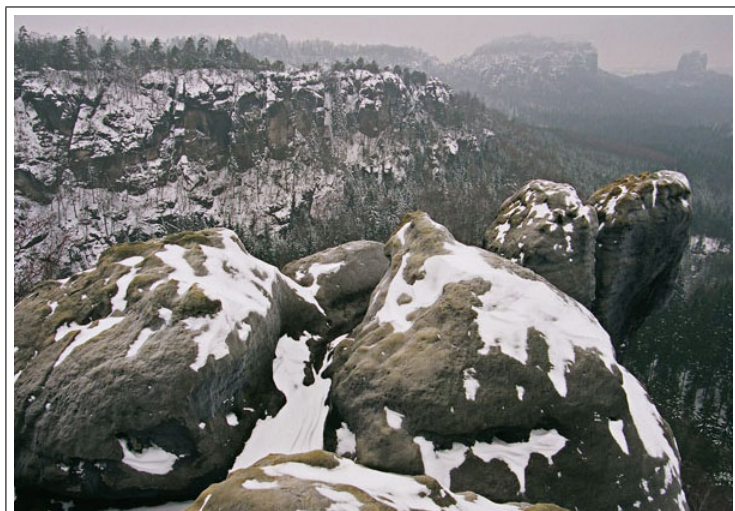

В лабиринте троп

Через какие-нибудь 10 минут подхожу к «Широкой Расселине» (*Breite Kluft*) – подъёму на Аффенштайн. Деревянная лестница, идущая зигзагом между скалами, забита притоптанным туристами снегом и легче идти рядом с ней, проваливаясь в наст. Дно расселины засыпано мелкими осколками сосулек, в изобилии растущих тут на многих скалах. Ветки деревьев тоже обрастают ледяной коркой от постоянных колебаний влажности и температуры и потом трещат на ветру и осыпаются звоном ледяных осколков.

Название Аффенштайн в переводе означает «Филиновый Камень» (филин на местном диалекте – *der Auf*), и с обезьянами (*Affen*) ничего общего не имеет. Вроде как раньше тут водилось много филинов. Скальная стена, окружающая плоскогорье, разделена по вертикали террасой на два этажа. Таким образом, в отличие

от большинства скальных массивов заповедника, тут кроме нижней (под скалами) и верхней (по гребню) троп есть еще одна – по «полочке» между стеной и обрывом. Местами эти тропы пересекаются, соединяются, что и объясняет такой богатый выбор маршрутов на карте.

Лестница выводит меня на широкую тропу с многоруким указателем направлений (иногда в этом немцы переступают разумные пределы). Мол, налево пойдёшь – на Шрамштайн попадёшь. Направо пойдёшь – со скалы упадёшь. Десяток зелёных табличек на все стороны света. Тропа эта, столь щедро украшенная указателями и маркировками – туристический маршрут Е3 европейского значения из Болгарии в Испанию общей протяжённостью 6950 км от Чёрного моря до Атлантики. Он пересекает Германию с востока на запад по центру и является одним из 11 подобных маршрутов в Европе. Тут же, в нескольких шагах слева, открывается великолепная скальная панорама с видом на Раушенштайн, на Эльбу, на отдельно стоящие острова скал на другом берегу,

то и дело вынырывающие из-за проносащихся мимо клоков тумана и снега. Пронзительно холодный ветер с бескрайних пространств над рекой не даёт устоять долго на месте. Замечаю табличку с просьбой не сходить с тропы (она ограждена деревянным заборчиком), так как в этом месте растёт охраняемый вид горной сосны, которая была почти полностью вытоптана туристами за прошедший век. Теперь популяция восстанавливается из мелких ростков, выживших между камнями. Пробую сделать несколько кадров панорамы. Руки без перчаток примерзают к камере. Понимаю, что этот ветер и движение тумана на снимке всё равно не передать – ничего кроме белой мглы. Еще пара кадров для мусорной корзины. Бегу греться назад на тропу под защиту скал, к развилке.

Что подбадривает в поездках выходного дня, так это легкость рюкзака. С ним и в узкую щель можно пролезть, и идти без привалов целый день, и собирать долго не надо. Термос с чаем, булка, фонарь, карта и фотоаппарат – вот и весь скарб. Фотоаппарат при этом – самый неуклюжий груз. Приходится носить на плече. В прыжках через трещины и в узких каминах – не помощник. Весит при этом пару килограмм вместе со сменными объективами, фильтрами, плёнками и кофром (а если ещё не полениться и треногу взять, то и все три килограмма будет). А ведь есть люди, которые и средним форматом в горах снимают, чуть ли ни студийной аппаратурой, причем в серьёзных горах, и притом в одиночку. Если треноги всё же нет, то в качестве монопода вполне можно использовать обычную телескопическую палку. Я всегда беру одну. При движении в горах она хорошо помогает, а вторая уже мешала бы – с одной стороны ведь висит кофр и одна рука постоянно должна быть свободна, чтобы его держать или при необходимости быстро достать фотоаппарат.

Тропинка безжалостно повторяет все неровности скального рельефа, углубляется в широкие долины ручьёв, в каждой из них колеблясь по мелким распадкам и огибая скалистые гребни. Следующая остановка – обзорный пункт у «Малого Купола» (*Kleiner Dom*). По-птичьему до него не больше километра, идти же около часа, огибая две долины и «Стены Лоренца» (*Lorenzwände*), чуть не доходя до которых тропа принимает в себя ещё одну тропку с запада, из «Влажной Лощины» (*Nasser Grund*), и потом ныряет в узкий коридор в стене, срезая путь. Тут сильно сквозит, и тяжёлые сосульки от капающей воды на стенах растут не вниз, а несколько вбок, увлекаемые ветром.

Свободная от леса площадка у «Малого Купола» лежит в стороне от тропы, и нужно вовремя заметить поворот на неё, присыпанный нетронутым снегом. Тропа в этом месте поворачивает резко вправо, почти назад, а вторая (*Sandlochweg*) уходит по лестнице вниз. Нужно же пройти от этого места ещё сотню метров прямо, без тропы, и выйти на выглаженные ветром камни, откуда открывается панорама «Стен Лоренца» по левую руку,

с видом на Шраммштайн и отдельно стоящий Фалкенштайн в тумане вдалеке за ними. Сам же «Купол» – высокий каменный палец, отделённый от материнского массива широкой расселиной, немного наклонённый вправо. Несколько меньших трещин делят обзорную площадку на крупные островки, между которыми можно аккуратно переходить у основания трещин на кромке леса. Тут же, возле леса, я быстро выпил пару глотков сладкого матэ. Ветер не стих, но тут он ощущался гораздо меньше, так как частично задерживался «Стеной Лоренца» с юго-запада и уходил вверх.

Вернувшись на тропу и обойдя по ней еще одну лощину, около 11 часов дня выхожу к «Большому Куполу». Приходится снова пройти по снегу сотню метров до открытой площадки. Этот «Купол» стоит гораздо дальше, метрах в 30 от основного массива, стены его вертикальны, а вершина украшена несколькими круглыми камнями, из-за чего скала становится похожей на группу людей, стоящую плотно друг к другу со склонёнными головами.

Далее начинается настоящая путаница тропинок. Налево уходит тропа в обход «Скал Каролы» (*Carola Felsen*). Через сотню метров лесенки ещё одна развилка из четырёх троп. Жёлтая маркировка (по которой я и пришёл) уходит направо назад в Шмилку. Синяя маркировка (европейский маршрут E3) выныривает справа по крутой лестнице и уходит чуть влево, где ещё через сто метров новая развилка. Синяя маркировка уходит вправо, на неё я ещё вернусь, одна тропа идёт влево по указателю на *Carola Felsen*, и ещё одна прямо, но через небольшое заграждение из брёвен, причём рядом стоит предупреждающая табличка, что этот путь сложен технически (не ясно чем именно) и требует некой подготовки. Судя по карте, эта последняя тропа и ведёт на вершину Аффенштайн. Но поначалу я вообще не принял этот перелаз через забор за тропу, которая может быть на карте. Кругом весь лес с вечера истоптан встречающими новый год туристами, которые искали тут дрова или уединения. В общем, отличить по следам малохоженую тропу от ночных блуканий пьяных немцев не представляется возможным. Пришлось несколько поблукать по всем тропам, пока я всё же не определил эту четвёртую. Вначале, пройдя через забор и прямо по следам, я вышел к обрыву, где мне открылся вид на спящую внизу под скалами группу человек двадцати. Вернувшись и чуть срезав путь, вышел на тропу к Скалам Каролы. Тут она спускается немного вниз по скользким ступенькам. Это меня несколько смутило, так как я всё ещё ошибочно считал, что обе тропы

(верхняя и окружная) ведут в итоге на вершину. По карте это не ясно. Пришлось ещё раз вернуться к развилке и убедиться, что я таки на правильной тропе, после этого спуститься вниз и потом ещё раз подняться по маленькому ответвлению тропы влево на смотровую площадку. Это ответвление – деревянная лестница, полностью покрытая льдом. Подниматься и спускаться пришлось практически на руках, подтягиваясь на перилах и местами опираясь на палку. Вид со Скал Каролы открывается потрясающий, можно проследить весь свой дневной маршрут. Но задерживаться тут долго не хочется из-за ветра.

Скатившись кое-как назад по обледелой лестнице и пройдя дальше ещё метров пятьдесят, выхожу на очередную развилку. Теперь я уже непосредственно у подножья верхнего этажа скал Аффенштайн. Правая тропа обходит весь скальный массив по часовой стрелке на уровне между первым и вторым этажами скал, опять же повторяя все извилины рельефа. Слева спуск настолько крут, что то и дело открываются виды в долину, так как вершины растущих рядом деревьев не достают до тропы. Иногда тропа раздваивается и идёт в несколько этажей, но они обязательно снова сходятся вместе, так как теперь деваться уже некуда. Справа и слева обрывы. Иногда под скальными навесами встречаются настоящие джунгли из сосулек. Они образуют стену или решётку из отдельно стоящих разноцветных ледяных сталагнатов. За эту стену даже можно залезть ползком в щель между скалой и льдом.

Уже подходя ближе к вершине, я понял, что тропы так и не соединятся. В одной из расселин справа в стене я увидел вертикальную металлическую лестницу из вбитых в скалу металлических крючьев и страховочный металлический трос рядом. Как продолжение этого подъёма, слева подобный же маршрут уходил вниз. О подъёме тут без страховки зимой, тем более с рюкзаком и фотокамерой, не могло быть и речи. Было решено попробовать сходить на вершину ещё раз по верхней тропе (которая через заборчик с табличкой). Но это означало ещё дополнительно пару часов.

Вскоре тропа сделала резкий поворот вправо и стала возвращаться на юг вдоль противоположного склона Аффенштайна. Тут было безветренно и не так красиво, как раньше, так как скалы закрывали теперь солнце и ветер со стороны Эльбы. Был уже четвёртый час пополудни, и я спешил, так как хотел ещё сбегать по верхней тропе, а в шесть уже должно было стемнеть. В одном из углублений в скалах я наткнулся на два десятка тех самых туристов, которых я видел раньше сверху спящими. Несмотря на поздний уже час, они всё ещё выглядели сонными, как мухи, и видимо, только что проснувшись, шатались вокруг, справляли естественные утренние потребности, начинали собирать вещи. Зажатое на узкой тропе, всё это копошение выглядело несколько непривычным по сравнению с обычным походом в лесу. Казалось, каждый не может найти себе места и шляется без толку, только чтобы окончательно проснуться.

Ещё через несколько поворотов я вышел к интереснейшему образованию. Тропа уходила прямо в стену. Несколько рисованных указателей указывало прямо в дыру в огромной скале, которая при своей значительной толщине именно в этом месте утоньшалась за счёт двух обвалов симметрично с обеих сторон и таким образом открывала горизонтальную щель где-то в метр высотой и пару метров в ширину. Дно этой щели находилось на высоте пояса и на него следовало вскарабкаться и пролезть сквозь, так как иного пути в обход стены по видимому не имелось. По ту сторону открывалась картина грандиозного обвала, открывшего проход, а полочка превращалась в своего рода стол, закрытый от ветра. Тут сидя на камнях за каменным столом под каменным же навесом я допил остатки парагвайского чая, пытаюсь найти на карте эту пещеру. По видимому эта скала называется «Голова Сатаны» (*Satanskopf*), во всяком случае на карте это примерно одно и то же место, но достоверно мне это не известно, может быть это лишь название одной из мелких вершин. В любом случае никакого обозначения пещеры или грота в этом месте на карте не было (как не оказалось и на многих других картах), поэтому я вначале принял этот грот за «Грот Ида» (*Idagrotte*), который мне ещё предстояло посетить.

Далее тропа очень скоро вывела меня к роднику, который, как оказалось, «поломался», о чём свидетельствовала табличка. На самом деле вода просто перестала течь в предназначенную для неё металлическую трубу, а текла, как ей и положено, из под большого камня по земле под деревянный настил над тропинкой. Родник на карте был и я наконец сориентировался. Тут сходились четыре тропы. Я пришёл с запада, моя тропа поднималась дальше к гроту. Влево на север шёл спуск на нижнюю тропу и далее на дорогу. Вправо - подъём на европейский маршрут.

Чтобы подойти к «Гроту Ида», нужно сделать петлю вокруг скалы и потом ещё пройти по узкой каменной полочке на скале, держась за металлические скобы. Грот совершенно огромный, больше всех, которые я до сих пор видел в этой местности. Это глубокая выемка в скале, укреплённая несколькими колоннами естественного происхождения, с наклонным потолком высотой не ниже полутора метров даже у стен. Пол песчаный, из какой-то серой пыли. Вверх уходят трещины, закопченные дымом костров. Грот закрыт от ветра, из него открывается замечательный вид. Отличное место для ночлега. Тут вполне поместилось бы несколько десятков человек.

Солнце уже почти село, висит низко над лесом, и у меня остаётся совсем мало времени на то, чтобы пройти всё-таки по верхней тропе на Аффенштайн. Почти бегом я возвращаюсь к роднику, налево вверх к

синему маркеру, делаю несколько кадров открывшейся панорамы и в третий раз возвращаюсь на перекрёсток с заборчиком. Через заборчик, бегом по лесу по едва заметной тропе. Пока что никаких особых препятствий нету. Минут через десять начинаются первые трещины. Вначале узкие – просто перепрыгиваю, где-то придерживаясь за дерево. Потом пару широких трещин с мостиками. Мостики металлические, из сетки, узкие, шириной ровно с ботинок, с металлическим тросом с одной стороны в виде перил. Осторожно добираюсь до открытого места. Дальше пройти уже нереально. Впереди камни, трещины, всё в снегу. Где-то тут выходит вверх вертикальная лестница из скоб в одной из трещин. До смотровой площадки я так и не дошёл, вид закрыт впереди «бараньими лбами». Начинает темнеть.

Возвращение

Осторожно назад через мостики, потом бегом до перекрёстка. Дальше проще, три километра по европейской трассе до «Малой Зимней Горы» (*Kleiner Winterberg*) и вниз. По дороге ещё несколько интересных видов, но фотографировать уже темно, да и время поджидает, уже почти шесть вечера. Я планирую спуститься на дорогу возле Лихтенхайнского водопада, то есть не к электричке, а с другой стороны хребта. Расписания автобусов не знаю, они и летом-то ходят раз в час, но хочется верить, что как-то придётся всё же уехать. Иначе ещё 20 км до электрички – разве что к утру дойти.

Последнее время я начал верить в провидение, в неспешную predeterminedность событий. Сколько уже раз замечал я, что стоит лишь относиться к происходящему сдержанно, без горячности, как положительный исход событий, сколь бы невероятным он ни был, непременно будет платой за терпение, за нетребовательность к судьбе. Если событие не исключено принципами логики, оно наверняка произойдет, если мы его заслужили. К тому же хорошее происходит чаще тогда, когда от него не зависишь. Это относится и к погоде, и к неожиданно удачно повернувшейся попутке на трассе, и к расписанию редких междугородных автобусов, что, казалось бы, уж никак не может зависеть от наших пожеланий. Тем не менее, оставаясь наедине с собой в многочисленных вылазках на велосипеде, пешком, или автостопом, я не раз имел возможность ощутить этот принцип «заслуженной удачи». Поэтому готовность ко всему, свободу в изменении решений и действие по обстоятельствам я считаю для себя неизменным требованием.

Налобный фонарь пришлось достать ещё наверху, на тропе E3 (тут она называется *Reitsteig*, что значит конная тропа, а далее *Fremdenweg*, то есть дорога для чужаков). Пожалуй кто-то может меня упрекнуть за это, как за излишний риск и неспланированность времени, но это был вполне осознанный шаг – использовать всё светлое время суток для изучения центрального скального массива, а спускаться уже как придётся. Маркировка уходит куда-то вправо, а тропа идёт до самой вершины «Зимней Горы». Читаю при фонаре указатели направлений. Совсем не время сейчас заблудиться. Наконец начинается спуск – длинная лестница, как обычно вся затоптанная и обмёрзшая. Палка тут мешает, привязываю её к рюкзаку. Держусь обеими руками за перила, местами срезаю углы по целине, это несколько проще, чем скользить по лестнице. Наконец дорога выпрямляется, можно снова идти выпрямившись и нагнать темп. Ещё полкилометра, и выхожу на широкую аллею *Zeughausstrasse* (можно перевести как «Арсенальная улица»). На перекрёстке маленькая беседка, какой-то плакат о соснах, и вездесущие указатели. Прямо – продолжение *Fremdenweg* в сторону грота «Коровник» (*Kuhstall*), направо дорога идёт ещё четыре километра до закуской Цейхгауз, а налево – мой путь к Лихтенхайнскому водопаду, а значит и к автобусам.

Спускаться километра три. Дорога широкая, даже снег убран. Пару раз шарахаются в кусты косули. В начале восьмого выхожу к реке. Слышны примерно раз в пару минут звуки проходящих машин и отсветы фар на соснах. Людей нигде нет. Автобусов тоже. На остановке узнаю, что последний автобус ушёл в шесть часов с минутами (хотя летом они ходят до десяти вечера). Остаётся лишь идти вниз по трассе и ловить попутки. Так прошёл я ещё километра два в раздумьях, стоит ли идти вообще. Ведь пешком я всё равно раньше утра до Эльбы не дойду, так не проще ли сесть в первый утренний автобус. На попутки рассчитывать тоже не приходилось,

так как одет я был во всё чёрное, и в темноте меня никто просто не успевал заметить. Но ночь обещала быть холодной, уже ощущалось как минимум десять градусов ниже нуля, и логичнее было всё же идти. Я старался освещать себя фонарём перед каждой машиной, и надеялся, что на фоне белого снега моя тёмная фигура всё-таки различима.

Но видимо свою порцию удачи я в тот день всё-таки заслужил. Меня подобрал какой-то немец, который, как оказалось, ехал в Дрезден (хотя изначально я просил его подвезти меня только до Бад Шандау). Как назло моя палка смёрзлась настолько, что я не смог её сложить перед тем, как сесть в машину, но кое-как вместил её поперёк двери. Мы общались, как всегда в таких случаях, о том, кто куда едет и откуда, и о необычно холодной в этом году зиме. Машина петляла вдоль знакомых изгибов реки минут двадцать, и я представлял себе, как шёл бы тут пешком. То ли из-за своей теплолюбивости, то ли из сострадания к замёрзшему туристу, то ли из желания похвастаться системой отопления, встроенной в сидения, но немец истопил моё сидение так, что я сидел, обливаясь потом в свитере и тёплой куртке, придавленный рюкзаком и фотоаппаратом и с тростью между ног, но из вежливости не стал жаловаться, ведь ехать оставалось недолго. Мы быстро доехали до Пирны, потом по новому автобану до Дрездена. В знак украинско-немецкой солидарности он довёз меня почти до самого дома, то есть туда, куда я его попросил, и мне оставалось лишь сесть в городской автобус, доехать оставшиеся 15 минут до дома в начале одиннадцатого вечера, и уснуть без задних ног.

